

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Шеврюкова Сергея Николаевича

город Санкт-Петербург

29 июня 2026 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, К.Б.Калиновского, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, А.В.Коновалова, М.Б.Лобова, В.А.Сивицкого, Е.В.Тарибо,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности статьи 159 УК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина С.Н.Шеврюкова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемая заявителем норма.

Заслушав сообщение судьи-докладчика К.Б.Калиновского, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Статья 159 УК Российской Федерации в частях первой – четвертой устанавливает уголовную ответственность за мошенничество, т.е. хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, предусматривая в части четвертой за совершение данного деяния в особо крупном размере наказание в виде лишения свободы на срок до десяти лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового. В частях пятой – седьмой эта статья устанавливает ответственность за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, предусматривая в части пятой за его совершение с причинением значительного ущерба наказание в виде штрафа в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательных работ на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительных работ на срок до двух лет, либо принудительных работ на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до одного года или без такового, либо лишения свободы на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до одного года или без такового.

Согласно примечаниям к этой статье (в действующей редакции, введенной Федеральным законом от 6 апреля 2024 года № 79-ФЗ) в ее частях пятой – седьмой значительным ущербом признается ущерб в сумме, составляющей не менее двухсот пятидесяти тысяч рублей, крупным размером признается стоимость имущества, превышающая четыре миллиона пятьсот тысяч рублей, особо крупным – превышающая восемнадцать

миллионов рублей; действие ее частей пятой – седьмой распространяется на случаи преднамеренного неисполнения договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, когда сторонами договора являются индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации.

1.1. По приговору Южно-Сахалинского городского суда Сахалинской области от 15 мая 2023 года гражданин С.Н.Шеврюков осужден к четырем годам лишения свободы условно за мошенничество – хищение чужого имущества в особо крупном размере путем обмана с использованием своего служебного положения. Его действия квалифицированы по части четвертой статьи 159 УК Российской Федерации.

Как установил суд, виновный, занимая должность генерального директора ООО «МонтажЭлектроСпецСервис», в рамках договора с ПАО «Сахалинэнерго» обязался в качестве подрядчика выполнить работы по реконструкции кабельной линии, включающие замену кабеля между двумя трансформаторными подстанциями. Однако впоследствии С.Н.Шеврюков из корыстных побуждений создал лишь видимость проведения работ в полном объеме (распорядился оставить старый кабель под землей, присоединив к его концам фрагменты нового кабеля), утвердил и представил документацию с внесенными в нее заведомо ложными сведениями, посредством чего обманным путем похитил денежные средства ПАО «Сахалинэнерго» в сумме свыше двух миллионов рублей.

Оснований для квалификации содеянного по менее строгой норме – по части пятой статьи 159 УК Российской Федерации, как о том просила сторона защиты, суд не усмотрел в связи с тем, что одним из субъектов отмеченных договорных отношений было публичное акционерное общество, акционером которого являлась Сахалинская область.

Правомерность приговора подтверждена вышестоящими судебными инстанциями (апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Сахалинского областного суда от 6 сентября 2023 года, кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам

Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 16 января 2024 года и постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2024 года об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции), которые не поставили под сомнение вывод суда первой инстанции, положенный в основу квалификации содеянного, о связанности потерпевшей организации с государством в аспекте участия в ней публично-правового образования.

С.Н.Шеврюков – отмечая, что ПАО «Сахалинэнерго», как и ООО «МонтажЭлектроСпецСервис», является коммерческой организацией и субъектом предпринимательской деятельности, – просит признать не соответствующей статьям 8 (часть 2), 19 (часть 1) и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации статью 159 УК Российской Федерации. По его утверждению, эта статья неконституционна, поскольку, защищая частную и публичную собственность неравным образом, позволяет квалифицировать по ее части четвертой, а не пятой (т.е. по общей, а не по специальной норме) и расценивать в качестве тяжкого преступления, а не преступления средней тяжести преднамеренное неисполнение договорных обязательств лицом, осуществлявшим предпринимательскую деятельность, лишь потому, что часть акций потерпевшей коммерческой организации принадлежит государству.

1.2. Принимая к рассмотрению жалобу С.Н.Шеврюкова в заседании 15 января 2026 года, Конституционный Суд Российской Федерации усмотрел неопределенность (часть вторая статьи 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации») в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации статья 159 УК Российской Федерации применительно к регламентации ответственности за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, когда потерпевшей стороной договора является коммерческая организация с участием Российской

Федерации, ее субъекта, федеральной территории или муниципального образования.

Из дополнительно полученной в ходе рассмотрения настоящего дела информации следует, что постановлением заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 16 января 2026 года отменено постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2024 года об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, а кассационная жалоба, поданная в защиту С.Н.Шеврюкова, вместе с его уголовным делом передана для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации. Определением от 25 февраля 2026 года приговор, постановленный в отношении С.Н.Шеврюкова, и последующие судебные решения изменены: действия виновного переквалифицированы с части четвертой статьи 159 УК Российской Федерации на часть пятую этой статьи со смягчением назначенного наказания.

Исходя из целей самостоятельного и независимого осуществления судебной власти посредством конституционного судопроизводства (статья 125, часть 1 и пункт «а» части 4, во взаимосвязи со статьей 118, часть 2; статьей 120, часть 1, и статьей 126 Конституции Российской Федерации; статья 1 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации») и в силу пункта 3 части первой статьи 3, части второй статьи 36, части второй статьи 68, статей 96 и 97 указанного Федерального конституционного закона Конституционный Суд Российской Федерации – установив соответствие обращения заявителя требованиям допустимости, предъявляемым к конституционной жалобе, включая исчерпание всех других внутригосударственных средств судебной защиты, и неопределенность в вопросе о соответствии оспариваемых законоположений Конституции Российской Федерации – полномочен рассмотреть настоящее дело.

1.3. Согласно статье 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление по предмету, указанному в жалобе, и при этом оценивает не только буквальный смысл проверяемой нормы и ее место в системе правовых норм, но и смысл, придаваемый ей официальным и иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу, а также сложившейся правоприменительной практикой, не будучи связанным основаниями и доводами, содержащимися в жалобе.

С учетом этого предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу выступает статья 159 УК Российской Федерации в той мере, в какой на ее основании в системе действующего правового регулирования и по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, в том числе в решениях по конкретному делу, разрешается вопрос о возможности квалифицировать деяние как мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, если потерпевшей от него выступает коммерческая организация, учредителем (участником) которой является Российская Федерация, субъект Российской Федерации, федеральная территория или муниципальное образование.

2. Гарантируя единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, Конституция Российской Федерации провозглашает равную защиту частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности, относит к числу прав и свобод, признание, соблюдение и защита которых являются обязанностью государства, право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, а также право частной собственности, охраняемое законом и включающее в себя право иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими (статьи 2 и

8; статья 34, часть 1; статья 35, части 1 и 2). При этом Конституция Российской Федерации не исключает, а, напротив, предполагает участие Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований в экономической деятельности, в том числе опосредованно, что выступает одним из инструментов реализации публично-правовыми образованиями их функций и задач, в том числе по созданию условий для достойной жизни и свободного развития человека, по защите и стимулированию рыночной экономики, по эффективному управлению собственностью (статья 7, часть 1; статья 71, пункт «д»; статья 73; статья 130, часть 1).

По смыслу приведенных предписаний в их взаимосвязи со статьями 17, 18, 45 (часть 1), 46 (части 1 и 2), 52 и 75¹ Конституции Российской Федерации в Российской Федерации должны создаваться благоприятные условия для функционирования экономической системы, приниматься меры по оптимизации регулирования экономических отношений, обеспечению устойчивого экономического роста и повышению благосостояния граждан, а также осуществляться защита собственности. Будучи материальной основой и экономическим выражением свободы общества и личности, собственность является условием свободного осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности, гарантируя реализацию многих других прав и свобод, а равно исполнение обусловленных ею обязанностей (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2012 года № 11-П, от 24 марта 2015 года № 5-П, от 7 ноября 2017 года № 26-П и др.).

Защита отношений собственности средствами уголовного закона, когда такие отношения становятся объектом преступных посягательств, требует равной защиты всех форм собственности, что не отрицает возможности дифференциации оценки степени общественной опасности деяния в зависимости, в частности, от субъектного состава участников отношений, в связи с которыми было осуществлено хищение имущества. Меры уголовной ответственности должны быть адекватными, эффективными и отвечающими принципам справедливости, равенства и

правовой определенности, как и принципу *nullum crimen, nulla poena sine lege* (нет преступления, нет наказания без указания на то в законе), которые получили конкретизацию в статьях 19 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2022 года № 53-П). Из этих принципов следует, что закон, устанавливающий уголовную ответственность, не может толковаться при его применении расширительно или применяться по аналогии (часть вторая статьи 3 УК Российской Федерации). Вводя уголовную ответственность за посягательства на собственность, федеральный законодатель, используя межотраслевые средства, отражающие особенности правового режима собственности и механизмы причинения вреда собственнику, призван обеспечивать взаимную согласованность положений уголовного и гражданского законодательства на основе конституционных предписаний (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2026 года № 8-П).

Следовательно, уголовная ответственность за посягательство на собственность субъектов предпринимательской деятельности – в том числе если в них участвуют Российская Федерация, ее субъект, федеральная территория или муниципальное образование либо если они созданы (учреждены) публично-правовыми образованиями – может считаться законно установленной и отвечающей Конституции Российской Федерации при условии, что такая ответственность учитывает специфику предпринимательской деятельности и адекватна общественной опасности преступления, чьи признаки, отграничивающие его от иных противоправных деяний, ясно и четко сформулированы в уголовном законе, непротиворечиво встроенном в общую систему регулирования, при гарантиях незапрещенной экономической деятельности и равной защиты всех форм собственности.

3. Реализуя предоставленные статьями 71 (пункты «в», «о») и 76 (часть 1) Конституции Российской Федерации полномочия в сфере защиты

права собственности и связанных с ним отношений по владению, пользованию и распоряжению имуществом от преступных посягательств, федеральный законодатель в статье 159 УК Российской Федерации отнес к преступлениям, объектом уголовно-правовой охраны от которых выступает собственность, мошенничество, т.е. хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, а в качестве специального состава этого преступления предусмотрел мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, но лишь для случаев, когда сторонами договора являются индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации (части пятая – седьмая и пункт 2 примечаний к этой статье).

В Постановлении от 11 декабря 2014 года № 32-П Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что федеральный законодатель вправе конкретизировать регулирование уголовной ответственности за совершение мошеннических действий субъектами предпринимательской деятельности, вводя специальные составы мошенничества, с тем чтобы отграничить эту деятельность от уголовно наказуемых деяний, исключить возможность разрешения гражданско-правовых споров путем уголовного преследования, создать механизм защиты добросовестных предпринимателей от незаконного привлечения к уголовной ответственности и одновременно не допустить ухода виновных от уголовной ответственности под прикрытием гражданско-правовой сделки. Актуальное правовое регулирование, отражая дискрецию федерального законодателя, который был вправе как расширить действие общих положений частей первой – четвертой статьи 159 УК Российской Федерации, так и уточнить с соблюдением конституционных принципов (в том числе равенства и справедливости) сферу действия ее частей пятой – седьмой, в значительной степени восполнило выявленный Конституционным Судом Российской Федерации в названном

Постановлении дефект прежнего регулирования в части определения круга потерпевших, когда для квалификации содеянного не имело значения, кто стал пострадавшей стороной договора – коммерческая организация, предприниматель или физическое лицо, притом что предпринимательская деятельность ведется в разных сферах и предметом хищения применительно к мошенничеству могут быть как средства граждан, так и бюджетные средства (при преднамеренном неисполнении государственных и муниципальных контрактов).

3.1. Гражданский кодекс Российской Федерации определяет коммерческие организации как преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности (пункт 1 статьи 50), допускает учреждение коммерческих организаций публично-правовыми образованиями и участие в корпоративных коммерческих организациях публично-правовых образований (пункт 5 статьи 66 и статья 125). По смыслу гражданского законодательства оценка юридических лиц как коммерческих организаций не изменяется в зависимости от того, участвуют ли в них или выступают ли их учредителями публично-правовые образования, является ли такое участие прямым или через подконтрольных лиц.

Указав в пункте 2 примечаний к статье 159 УК Российской Федерации, что действие частей пятой – седьмой этой статьи распространяется на случаи преднамеренного неисполнения договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, когда сторонами договора являются индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации, федеральный законодатель не оговорил специальных условий, касающихся связанности таких коммерческих организаций с Российской Федерацией, ее субъектом или муниципальным образованием. С учетом того что уголовное и гражданское право в общей системе правового регулирования взаимосвязаны, такой подход предполагает равную охрану от посягательств на имущество любых коммерческих организаций, что опирается на статью 8 (часть 2) Конституции Российской Федерации, в силу которой в Российской

Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности.

В рамках своей дискреции федеральный законодатель был вправе в пункте 2 примечаний к статье 159 УК Российской Федерации установить единый подход к ответственности за указанное преступление, не проводя различий в зависимости от участия Российской Федерации, ее субъектов, федеральной территории или муниципальных образований в потерпевшей коммерческой организации или учреждения ее. В таком случае эта статья не допускает квалификацию по общей норме (по ее частям первой – четвертой) такого мошенничества, которое хотя и сопряжено с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, когда сторонами договора являются индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации, но которое причинило ущерб потерпевшему – коммерческой организации, чьим учредителем (участником) является Российская Федерация, ее субъект, федеральная территория или муниципальное образование.

4. Вместе с тем в правоприменительной практике представлен и иной подход к критериям дифференциации составов, предусмотренных статьей 159 УК Российской Федерации.

Предпосылкой к этому служит часть третья статьи 20 УПК Российской Федерации, которая, относя к категории дел частного-публичного обвинения дела о преступлениях, предусмотренных частями пятой – седьмой статьи 159 УК Российской Федерации, одновременно содержит исключение из этой категории для случаев, если преступлением, квалифицируемым по любой ее части, причинен вред интересам, в частности, государственного или муниципального унитарного предприятия, коммерческой организации с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования. Статья же 23 УПК Российской Федерации прямо указывает, что причинение вреда интересам организации с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или

муниципального образования одновременно влечет за собой причинение вреда интересам государства или муниципального образования.

Кроме того, Уголовный кодекс Российской Федерации, различая ответственность за преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (глава 23) и за должностные преступления (глава 30), относит к числу должностных лиц также лиц, выполняющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции не только в государственных корпорациях, государственных компаниях, публично-правовых компаниях, являющихся некоммерческими организациями, но и на государственных и муниципальных унитарных предприятиях, в хозяйственных обществах, в высшем органе управления которых Российская Федерация, ее субъект или муниципальное образование имеет право прямо или косвенно (через подконтрольных лиц) распоряжаться более чем пятьюдесятью процентами голосов либо в которых Российская Федерация, ее субъект или муниципальное образование имеет право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более пятидесяти процентов состава коллегиального органа управления, в акционерных обществах, в отношении которых используется специальное право на участие Российской Федерации, ее субъектов или муниципальных образований в управлении такими акционерными обществами («золотая акция») (пункт 1 примечаний к статье 285).

Эти предписания получают на практике – о чем свидетельствует и дело С.Н.Шеврюкова – расширительное толкование, при котором указанные нормы уголовного и уголовно-процессуального законов используются во взаимосвязи, не вытекающей из их предназначения, для того чтобы квалифицировать по частям первой – четвертой статьи 159 УК Российской Федерации мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, но направленное против имущества коммерческой организации (потерпевшей стороны), учредителем (участником) которой является публично-правовое образование: Российская Федерация, ее субъект, федеральная территория или

муниципальное образование; притом что законодателем – хотя он не был лишен такой возможности – непосредственно в статье 159 УК Российской Федерации вопрос таким образом не решен.

В результате подобного подхода вопреки статьям 19 (части 1 и 2), 54 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации нарушаются принципы справедливости и правовой определенности, а также – если размер хищения не достигает двухсот пятидесяти тысяч рублей (примечание 1 к статье 159 УК Российской Федерации) – принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege*.

5. Таким образом, статья 159 УК Российской Федерации не соответствует статьям 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по смыслу, придаваемому этой статье правоприменительной практикой, в том числе ее толкованием в решениях по конкретному уголовному делу, в системе действующего правового регулирования она позволяет не квалифицировать преступное деяние в качестве мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, ввиду лишь того факта, что потерпевшей от такого деяния выступает коммерческая организация, учредителем (участником) которой является Российская Федерация, субъект Российской Федерации, федеральная территория или муниципальное образование.

Конституционный Суд Российской Федерации полагает, что отсутствует необходимость внесения изменений в статью 159 УК Российской Федерации, которая в признанном неконституционным аспекте применяться не может, а квалификация мошенничества по частям пятой – седьмой этой статьи должна осуществляться вне зависимости от учреждения потерпевшей коммерческой организации Российской Федерацией, ее субъектом, федеральной территорией или муниципальным образованием или их участия в такой организации.

С учетом сказанного, руководствуясь пунктом 12 части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации в качестве особенностей исполнения настоящего Постановления полагает возможным установить, что на федерального законодателя не возлагается предусмотренная частью четвертой статьи 79 и пунктом 1 статьи 80 данного Федерального конституционного закона обязанность внести изменение в действующее правовое регулирование в связи с принятием настоящего Постановления.

Принимая во внимание обстоятельства состоявшегося пересмотра дела С.Н.Шеврюкова (пункт 1.2 настоящего Постановления), Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь пунктом 10¹ части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», считает нужным указать, что дело С.Н.Шеврюкова пересмотру в связи с принятием настоящего Постановления не подлежит, а также отсутствуют основания для применения к нему компенсаторных механизмов.

5.1. Согласно части пятой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» с момента вступления в силу постановления Конституционного Суда Российской Федерации, которым нормативный акт или отдельные его положения признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации, не допускается применение либо реализация каким-либо иным способом нормативного акта или отдельных его положений, признанных таким постановлением не соответствующими Конституции Российской Федерации; суды общей юрисдикции при рассмотрении дел после вступления в силу постановления Конституционного Суда Российской Федерации (включая дела, по которым производство возбуждено и решения предшествующих судебных инстанций состоялись до вступления в силу этого постановления) не вправе руководствоваться нормативным актом или отдельными его

положениями, признанными этим постановлением не соответствующими Конституции Российской Федерации.

В соответствии с приведенными положениями и исходя из статьи 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации с момента вступления в силу настоящего Постановления квалификация мошенничества по частям пятой – седьмой статьи 159 УК Российской Федерации как сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности должна осуществляться вне зависимости от учреждения потерпевшей коммерческой организации Российской Федерацией, ее субъектом, федеральной территорией или муниципальным образованием или их участия в такой организации.

5.2. Согласно пункту 5 части третьей статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» решения судов, основанные на актах или их отдельных положениях, признанных постановлением Конституционного Суда Российской Федерации неконституционными, должны быть пересмотрены в случае, если положения, признанные этим постановлением неконституционными, послужили основанием для привлечения гражданина к уголовной ответственности.

Соответственно, признание статьи 159 УК Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации в обозначенном аспекте влечет пересмотр в установленном законом порядке судебных решений, если квалификация деяний иных, помимо С.Н.Шеврюкова, лиц, привлеченных к ответственности по частям первой – четвертой этой статьи, обусловлена неотнесением коммерческих организаций, учредителем (участником) которых является Российская Федерация, ее субъекты, федеральная территория или муниципальные образования, к числу потерпевших от мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать статью 159 УК Российской Федерации не соответствующей статьям 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по смыслу, придаваемому этой статье правоприменительной практикой, в том числе ее толкованием в решениях по конкретному уголовному делу, в системе действующего правового регулирования она позволяет не квалифицировать преступное деяние в качестве мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, ввиду лишь того факта, что потерпевшим от такого деяния выступает коммерческая организация, учредителем (участником) которой является Российская Федерация, субъект Российской Федерации, федеральная территория или муниципальное образование.

2. Судебные решения, при вынесении которых статья 159 УК Российской Федерации – в той мере, в какой она признана неконституционной настоящим Постановлением, – послужила основанием для привлечения граждан к уголовной ответственности (в том числе для квалификации совершенного ими деяния), подлежат пересмотру в установленном порядке.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

№ 43-П

Конституционный Суд
Российской Федерации